

для конца XVII в. или для самого начала XVIII в.¹ Более точное приурочение списка к начальным годам XVIII в. подтверждается также тем, что язык повести совершенно чист от иностранных слов, так сильно засоривших русскую литературную речь в 20—30 годах XVIII столетия. Упомянутый дважды капральский чин Бруна при прохождении им солдатской службы («юноша той благородны Бруна в чину ко пранства с славою своею прохождаше» (мимо Мелеонии), «даждь мне видети. . . того юношу. . . его же в капранском чине видех») и «персона» в значении внешний облик человека («а его более любляше, видя его персону, мня подобия своего супруга, а не самого его зрети. . .») вошли уже тогда в обиход русской речи (см. Н. Смирнов, «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху». — Сборник ОРЯС, т. 88, стр. 133—134 и 224). Текст несвободен от налета украинизмов и полонизмов, недостаточного, впрочем, для определения национальности переводчика или для заключения о польском посредничестве. Из украинизмов отметим такие, как: прилюби, заставих (= оставил), добродейство, государич, ханися о выю его, сключися и др. Примерами полонизмов могут служить: педробливость, кролеви, на имя (= по имени), спиталь, шпитальня, обрести в олит, обран (= избран), прилучай (= случай), жаль («а мне самой жаль приносиши») и т. д.

В то же время языковая форма, в которую облечено повествование, полна своеобразия и поражает какой-то особой архаичностью лексики и синтаксических построений, свободно и непринужденно, без малейшего напряжения выдержанной от начала до конца. Обильные церковнославянизмы,² глагольные формы далекого прошлого истории русского языка, двойственное число, дательный самостоятельный и т. п. встречаются на каждой строке. Достаточно привести для иллюстрации небольшой отрывок:

«По неколиком же времени поят оныи Бруна Мелеонию и, утаяся родители ея по намерению своему, бегу ястася точию едины, ни от раб своих кого с собою потребоваста, точию Мелеония взя с собою у родителей своих немала сокровища в малых вещех, дабы не срам ей бы такова отца дщери в ыноземском краю себе видети. И бывшим им на пути, от великого труда припадеша сон; они же восхотеша дати телу своему упокоение, и попускаста свои ослята близ моря суть, и сном отяготистася. Мелеония же боле отягчена бе сном, велми храпляше, припадше к коленама своего обручника. Бруна же узрев во одеждах у нея зашитие и недоумевашеся чесому быти; и пожелаша уведети, и нача то место осматривати во одежди ея; и выня той свои обручалной перстень с червленым обвитием, и нача паки в первое свое место устроить. И по некоему строению той перстень и с червеною

¹ Близкая по начертанию филигрань — гербовая лилия — встретила Лихачеву на документе 1706 г. Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, ч. II, стр. 273, и ч. III, альбом снимков, № 3546.

² К церковнославянизмам относятся и такие слова, как «юнак» (= молодец, герой) и «дель» (бочка), сохранившиеся теперь только в славянских землях, но зарегистрированные И. И. Срезневским в древне-русских памятниках (см. «Материалы для словаря древне-русского языка», т. III, СПб., 1903, стлб. 1626; т. I, стлб. 651), и глагол «надарити» и все производные от него.